

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Вячеслав ДЫХАНОВ

Доктор общественных наук по политологии и администрации,
доцент, кандидат исторических наук

Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И.Канта, Калининград,
Российская Федерация

e-mail: dykhanov@yandex.ru

<https://orcid.com/0000-0002-3016-1759>

Статья посвящена анализу изменений политического пространства вследствие социальных, экономических, культурных и политических перемен, вызванных пандемией коронавируса и ограничительных мер, принятых для предотвращения распространения инфекции. Рассматриваемые изменения заключаются в виртуализации политических коммуникаций, среды реализации политики и других системных условий, относящихся к политическому пространству. Данные изменения носят необратимый характер.

Ключевые слова: виртуализация, интернет-коммуникации, коронавирус, медиатизация, Молдова, пандемия, политическое пространство, Россия, «цифровые аборигены».

VIRTUALIZAREA SPAȚIULUI POLITIC ÎN CONDIȚIILE PANDEMIEI CORONAVIRUSULUI

Articolul analizează situația din spațiul politic ca consecință a schimbărilor sociale, economice, culturale și politice cauzate de pandemia coronavirusului și măsurile restrictive pentru prevenirea răspândirii virusului. Schimbările constau în virtualizarea comunicațiilor politice, mediul pentru implementarea politicilor și alte condiții sistematice legate de spațiul politic. Aceste schimbări sunt ireversibile.

Cuvinte-cheie: virtualizare, comunicații pe Internet, coronavirus, mediatizare, Moldova, pandemie, spațiu politic, Rusia, „aborigeni digitali”.

VIRTUALIZATION OF POLITICAL SPACE IN THE CONDITIONS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC

The article is dedicated to the modification of political field as result of social, economic, cultural and political changes, evoked by coronavirus pandemic and restrictive measurestaken to prevent contagion. The changes under consideration consist in the virtualizationof political communications, milieu for implementing policy and other systematic conditionsrelated to political field. These changes are of irreversible nature.

Keywords: virtualization, Internet communications, coronavirus, mediatization, Moldova, pandemic, political space, Russia, „digital natives”.

VIRTUALISATION DE L'ESPACE POLITIQUE DANS LES CONDITIONS DE LA PANDÉMIE DE CORONAVIRUS

L'article analyse la situation dans l'espace politique en conséquence des changements sociaux, économiques, culturels et politiques causés par la pandémie de coronavirus et des mesures restrictives visant à prévenir la propagation du virus. Les changements consistent en la virtualisation des communications politiques, l'environnement de mise en œuvre des politiques et d'autres conditions systémiques liées à l'espace politique. Ces changements sont irréversibles.

Mots-clés: *virtualisation, communications par internet, coronavirus, médias, Moldava, pandémie, espace politique, Russie, "aborigènes numériques".*

Введение

Пандемия коронавируса COVID-19, официально объявленная Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 года [12], существенным образом изменила систему коммуникаций и социальных отношений в целом. Эти изменения затронули подавляющее большинство наиболее развитых стран мира, вне зависимости от строгости и охвата ограничительных мер, введенных для борьбы с распространением COVID-19.

Основные идеи и размышления

Многочисленные экспертные оценки социальных, экономических, политических и культурных последствий борьбы с инфекцией в целом созвучны с широко распространённым убеждением в том, что «мир никогда не будет прежним». Уже на основе анализа статистических данных за март, апрель и май можно обосновано спрогнозировать структурные сдвиги в экономике, глубина и масштаб которых в разных странах зависит от строгости и продолжительности режима ограничений. Ощущение необратимости перемен имеет весомые основания, связанные с прогрессом информационно-коммуникационных технологий, процессом дигитализации экономики, атомизацией общества и отдельных социальных групп, бурным распространением сетевых структур в ущерб иерархичным и вертикально интегрированным организациям. Меры изоляции, социальной дистанции и ограничения свободы передви-

жения не воспринимаются многими политиками и государственными деятелями как временное отклонение от «нормальной» жизни, к которой все вернется после спада инфекции. Они рассматриваются как «новая нормальность», востребованная не только для предотвращения второй и последующих волн инфицирования COVID-19 или иных опасных инфекций, но и как прогрессивное явление, стоящее в одном ряду с такими модными понятиями, как «новый технологический уклад», «цифровая экономика», «экономика знаний» и прочими маловразумительными словесами, за которыми не всегда просматриваются сколько-нибудь осмысленные концепции.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать влияние вышеуказанных процессов только на политическое поле, то есть даже не на всю политику, а на системные условия и среду реализации политики, что в трудах теоретиков политологии именуется «политическим пространством», «политическим полем», «пространством реализации политики», более узко – «политическими площадками и аренами». Не вдаваясь в теоретические дискуссии относительно концепции «политического поля», следует оговориться, что понятие политического поля здесь трактуется шире.

1. Предпосылки виртуализации политического поля

Прогнозы относительно появления «дистанционной политики» или «политики одной кноп-

ки» появились 60 лет назад, после президентских выборов 1960 года в США. В ходе предвыборной кампании кандидат от Республиканской партии Ричард Никсон опережал своего конкурента демократа Джона Кеннеди. Однако после теледебатов Кеннеди вырвался вперед и, в конечном счете, одержал победу на выборах вопреки прогнозам большинства политологов. [6, с. 83]

Победа обаятельного и красноречивого политика в президентской гонке состоялась, по всеобщему убеждению, благодаря магической силе телевидения и возможности обратиться напрямую к электорату. Условно говоря, американцы поверили в то, что телевизор победил партии, организации, идеологии и прочие ресурсы электоральных кампаний. Появились довольно смелые прогнозы относительно того, что в будущем станут ненужными партии и идеологии. Программа «смерти идеологии» представлялась американским гражданам очень привлекательной ввиду противостояния коммунистической идеологии и крайне негативному отношению к тоталитарным идеологиям, что переносилось на понятие «идеологии» вообще. В картинах будущего, изображаемого политологами, избиратели могли участвовать в политике, прежде всего, в выборах, нажатием кнопки, которая для удобства будет располагаться на телевизоре.

Кнопки на американских телевизорах, действительно, появились в '70-е годы прошлого века. Однако они использовались в некоторых кабельных сетях для опросов и голосований в некоторых телешоу в прямом эфире, а не для голосования на выборах. Прогнозы 1960-х годов оказались слишком радикальными, хотя появление кнопок для голосования и «обратной связи» знаменовали начало процесса частичного превращения средств массовой информации в средства массовой коммуникации. Фактически, эти кнопки и иные каналы «обратной связи» стали

предшественниками Интернет-коммуникаций. [6, с. 125]

Другой важной предпосылкой виртуализации политического поля стало бурное развитие PR-технологий, которые оказывали все возрастающее влияние на формирование общественного мнения и политических предпочтений. Задачей специалистов в области PR-технологий, так называемых «пиарщиков», является не смена электоральных предпочтений граждан путём переубеждения посредством традиционных приемов политической пропаганды без «обратной связи», а путем имитации диалога с избирателями и изменения восприятия ими политических явлений. Вследствие такого пиара политическая реальность «перекручивается» или «переворачивается», откуда происходит английское по происхождению название специалиста по PR-технологиям «спин-доктор» (от spin – «крутить», «вертеть»).

Одним из последствий бурного развития PR-технологий стал процесс так называемой «медиатизации политики». Понятие «медиатизации» многогранно, но в контексте проблемы виртуализации политического поля следует выделить один из его аспектов – опосредование политических коммуникаций отдельными внесистемными и вне институциональными субъектами. Эти субъекты не отличаются глубоким пониманием политической повестки основных политических сил и восприятием политики как целенаправленной, последовательной и системной деятельности, направленной на достижение общественного блага. Они, скорее, пытаются эту повестку сформировать, используя свои коммуникативные навыки и способности. [2, с. 114]

Такая опосредованная политика становится уделом непрофессионалов, случайных людей, выскакивающих в политическое пространство как черт из табакерки. Отрывается широкий про-

стор для применения технологий «темной площадки» и использования «эффекта новизны». «Из ниоткуда» внезапно появляются видные политики, такие как Эммануэль Макрон, а также политически влиятельные общественные деятели, такие как экологическая активистка Грета Тунберг или якутский «шаман-воин» Александр Габышев. Внезапно широко известные медийные персоны становятся политиками, такие как Владимир Зеленский или Бeppe Грилло. В пространстве Интернет-коммуникаций многие подобные субъекты остаются анонимными или псевдонимными.

«Медиатизация» политики приводит к быстрой смене диспозиции отдельных акторов в опосредованном политическом поле. Динамика в таком политическом поле напоминает мельтешение цветных стеклышек в калейдоскопе, что образует причудливые и кажущиеся случайными новые политические блоки, союзы и комбинации. Традиционные и «системные» политики зачастую оказываются неготовыми к тому, чтобы воспринимать блогеров, медийных персон и прочих «темных лошадок» равными себе политическими деятелями. Перестают эффективно работать традиционные институты и инструменты рекрутирования политических кадров и интеграции новых «внесистемных» политиков в политическую систему. Разрыв между реальным и виртуальным политическим полем некоторые политологи трактуют как дисфункцию традиционных политических институтов представительной демократии, именуемой иногда даже «дефицитом демократии» или «кризисом демократии».

Современные алармистские прогнозы и оценки политологов напоминают о радикальных прогнозах начала 1960-х годов об исчезновении партий и идеологий за ненужностью. Периодически такие дискуссии вспыхивают с новой силой. Например, в результате земельных выборов в

Берлине в 2011 году новая внесистемная Партия пиратов Германии внезапно набрала 8,9% голосов избирателей, заняв, соответственно, 15 мест в столичном ландтаге. В ее электорате оказалось довольно высокой доля студенческой молодежи и высокообразованных людей. «Сумрачный тевтонский гений» ведущих немецких политологов не нашел для себя ничего лучшего, как вновь мрачно прогнозировать исчезновение партий, или более осторожно констатировать «глубокий кризис партийной системы Германии». [7, с. 23]

Совершенно очевидно, что дистанционная работа и «удаленная» культура коммуникаций в условиях пандемии коронавируса, а также вызванный инфекцией экономический кризис, спровоцируют новую волну эсхатологических ожиданий и алармистских прогнозов относительно традиционных партий и политических институтов. Однако, необходимо отделять очередную волну «политической эсхатологии» от реальных глубинных и системных изменений политики, избегая крайних и поверхностных оценок и суждений.

2. Особенности политических коммуникаций в сети Интернет

В XXI веке сложилась богатая научная традиция анализа «цифрового поколения», его социальных, культурных и психологических особенностей. Само понятие «цифрового поколения» или «цифровых аборигенов» (англ. digital native) ввел американский писатель Марк Prenski в 2001 году. [4] С тех пор вышло в свет множество публикаций, посвященных проблемам «цифрового поколения», прежде всего, с позиций педагогики и возрастной психологии. Однако процесс виртуализации политического пространства объясняется далеко не только сменой поколений, учитывая вовлеченность в Интернет-коммуникации «цифровых иммигрантов», то есть среднего и

старшего поколения, сформировавшегося до широкой экспансии цифровых технологий.

Более продуктивным представляется анализ тех особенностей Интернет-коммуникаций, которые оказывают существенное влияние на формирование и видоизменение политического пространства. Многими отмечается разница между коммуникациями в сети Интернет и «очными» коммуникациями. Следует более подробно остановиться на двух особенностях Интернет-коммуникаций – *анонимности*, или кажущейся анонимности, адресантов сообщений и *спецификации* содержания сообщений.

Реальная или кажущаяся анонимность авторов сообщений раздвигает границы дозволенного, нормативного и табуированного, размывает культурные и языковые нормы общения, придает актам коммуникации игровой и карнавальным характер. Участники коммуникаций довольно часто стараются под личной «ник» (от англ. nickname – «прозвище», «псевдоним»), чужих имен или чужих изображений предстать в совершенно ином образе в виртуальном пространстве, самостоятельно конструируя свой имидж.

В таких условиях затруднительно вести дискуссию и даже полемику, так как трудно соблюдать принципы аргументации и следовать законам логики в общении с анонимами. В данном контексте представляет интерес употребление слова «халивар» (от англ. holy war – «священная война»), относящегося к Интернет-сленгу. Оно обозначает бессмысленную травлю участника Интернет-коммуникаций за высказывание своего мнения по острому общественно-политическому вопросу. Важно подчеркнуть, что такая травля начинается не из-за смысла высказывания, а как реакция на задеты чувства адресатов. Эмоции в такой травле явно преобладают над разумом. Следует оговориться, что в целом Интернет представляет собой ирраци-

ональный мир эмоций по сравнению с иными средствами коммуникаций.

С анонимностью Интернет-пользователей связаны также практики и технологии троллинга (от англ. trolling – «ловля на блесну»). Данное понятие введено в 1996 году Джудит Донат [1] и первоначально связывалось с практиками анонимных провокаций. Позднее троллинг начал использоваться как одна из PR-технологий. Троллинг относится к «черному пиару», так как основан на манипуляциях и введении в заблуждение участников дискуссий. Провокация как прием в политике, педагогике, психологии, теории коммуникации, литературе, театральном искусстве и других сферах культуры известен давно. Используются также анонимные провокации. Однако троллинг существенным образом отличается от провокации и никак не может быть сведен ни к одному из провокационных приемов. Троллинг отличается не просто анонимностью, а обезличенностью, намеренным характером лжи, стремлением к манипулированию, немедленным и резким выходом за всякие этические ограничения и прямым обращением к эмоциям. При троллинге абсолютна неясна диспозиция участников коммуникации.

В этом смысле слова «мостом» между культурными провокациями и троллингом послужил акционизм. Акционистское искусство отличается намеренным стиранием граней между самим творением и потребителем искусства (зрителем, наблюдателем, слушателем или читателем), между субъектом и объектом. Потребитель вовлекается или погружается в художественное произведение или культурный объект посредством действия, желательно до такого уровня, когда он теряет ориентацию: где «находится» он, как субъект, и где само творение, как объект. Такое стирание граней невозможно для театрального зрителя, который понимает, что он не может выскочить на

сцену и стать участником театрального действия, для чего сцена отгорожена от него.

С акционизмом неразрывно связаны флэш-мобы (от англ. flash mob – «мгновенная толпа»), как политические акции [5, с. 26], и так называемая «твиттерная революция», как технологически выстроенная последовательность акционистских приемов. При традиционной политической провокации всем наблюдателям понятно, кто провокатор и кто выступает в роли объекта провокации. При анонимной провокации, по крайней мере, понятно, на расшатывание каких устоев, традиций и норм направленно асимметричное воздействие провокатора (как более слабого актора), то есть более или менее различимы субъект-объектные отношения.

Троллинг, акционизм и флэш-мобы объединяет отсутствие видимой субъектности, или, вернее, распространение субъектности на всех участников и наблюдателей путем их быстрого и незаметного вовлечения в процесс. «Цветные революции» и «твиттерные революции» дарят это возбуждающее чувство субъектности всем участникам (сочувствующим, наблюдателям и прочим ощущающим причастность к процессу) при минимальном усилии с их стороны, что может подкрепляться слоганами: «Народ – источник власти!» «Мы здесь власть!» «Народ делает революцию!» «Мы творим собственную судьбу!» Такая бессубъектность очень тревожит свергаемых представителей политической власти, так как непонятно, кого следует репрессировать и как предотвратить подобную революцию – события нарастают стремительно при минимальной организации и отсутствии единой иерархичной организации с руководителями и организаторами. Реактивные и конвульсивные аресты, задержания или убийства только усугубляют положение власти, так как появляются «сакральные жертвы» на алтаре революции и

резко сужается легитимная поддержка политической власти.

Вопреки распространенным мнениям критиков «цветных революций» охранительного толка, такими революциями никто не управляет. Проматриваются некоторые приемы технологий «непрямого управления», но сами вдохновители революций и субъекты «непрямого управления» не могут ни спрогнозировать развитие революционной ситуации, ни управлять самим процессом с какого-то момента.

Троллинг также непредсказуем и неуправляем, что относит его к деструктивным практикам, то есть тролли добиваются негативных, а не позитивных целей. Они знают, чего они не хотят, но не могут добиться того, что им нужно. Бессубъектность троллинга усиливает взаимное недоверие участников коммуникации, порождает паранойю и конспирологические теории. Участники научной дискуссии отчетливо понимают, что аргументы *ad hominem* недопустимы, в то время как троллинг не только разрушает правила ведения дискуссий, но и делает принципиально невозможным различать аргументы *ad hominem* от аргументов *ad rem*, так как грань между субъектами и объектами размыта. Конспирология предлагает легкие объяснения сложным общественно-политическим процессам, и поэтому пользуется особой популярностью у Интернет-аудитории. Политтехнологи, ориентируясь на массовую аудиторию, используют «теории заговора» как в интересах удерживающих политическую власть, так и в интересах оппозиции.

Другой важной чертой Интернет-коммуникаций является беспрецедентная спецификация участников коммуникаций. Традиционные средства массовой информации (телевидение, радио, печатные издания) не могут удовлетворить запросов малых групп, так как они охватывают широкие аудитории. Тем самым

они формируют единое информационное пространство и единый язык общения. В едином информационном пространстве люди обсуждают одни и те же проблемы в рамках единой информационной повестки дня. Единство информационного пространства становится условием для совместных действий, достаточно масштабных для того, чтобы вызвать перемены общественно-политического характера на уровне всей страны.

В Интернете образуются группы с довольно узкими интересами. Например, образуется не просто сообщество фанатов какого-либо футбольного клуба, но и совершенно отдельная группа поклонников одного игрока в данном клубе. Такие группы представляют собой сетевые сообщества, зачастую не связанные единой территорией проживания. Участник такого сообщества, проживающий в многоквартирном доме в Кишиневе, может не знать своих соседей, но при этом дружить со своим единомышленником из Мельбурна. Контекстная реклама, формируемая для отдельных Интернет-пользователей в соответствии с его поисковыми запросами, основательно погружает человека в довольно узкую тему, в которой он себя чувствует комфортно. Его интересы при этом неизбежно сужаются, он отрывается от единого информационного и, как следствие, политического пространства и проявляет неспособность к солидарности и сотрудничеству в какой-либо политической деятельности.

У подобных сетевых сообществ вырабатывается особая, присущая только им лексика, которая постепенно способствует появлению «птичьих языков», то есть языков, понятных только в рамках данных сообществ. В разной степени такой разрыв единого информационного пространства разрушает политическое и культурное единство общества. Именно по этой причине уже в начале 2000-х годов Интернет рассматривался некоторыми американскими авторами как

угроза демократии [9]. Процесс спецификации сетевых сообществ именовался ими «фрагментацией» общества. В современном российском политическом лексиконе понятие «фрагментации» используется преимущественно применительно к распаду государств на отдельные этнические, конфессиональные и региональные сообщества. Более осторожно можно было бы указать на влияние процесса спецификации сетевых сообществ на дезинтеграцию общества, культуры и политического пространства. Такой процесс опасен для демократии только с точки зрения угрозы ослабления способности политически активных групп действовать сообща и коллективно отстаивать свои права.

Тем не менее, при умелом сочетании сетевых коммуникаций и прямых политических действий различные сообщества могут стать основой для массовых политических движений, а Интернет превратиться в инструмент политической мобилизации. Проблема заключается в том, насколько сетевые сообщества способны преследовать реальные политические цели, отвечающие интересам большинства граждан, или они действуют в рамках каких-то виртуальных установок, не выдерживающих столкновения с суровой реальностью.

Другим аспектом Интернет-коммуникаций, создающим угрозу демократии, является крайний радикализм участников коммуникаций. Многочисленные социологические исследования показывают более радикальные политические настроения Интернет-пользователей, по сравнению с аудиторией иных средств массовой информации. Причины радикализма, резкости, бескомпромиссных суждений и низкой договороспособности следует искать не только в спецификации сетевых сообществ, но и вышеупомянутой анонимности адресантов сообщений. Все вышеуказанные причины разрушают культуру

общения и превращают виртуальное пространство Интернет-коммуникаций в царство аномии во всех смыслах данного понятия.

3. Пандемия коронавируса: причина или катализатор виртуализации?

Системообразующим элементом современного политического пространства являются коммуникации, роль которых в последние десятилетия неуклонно возрастает. Процесс виртуализации политического пространства выражается, прежде всего, в переходе политических коммуникаций в виртуальное поле. При этом традиционные каналы политической коммуникации утрачивают прежнее значение. Самым наглядным примером этого процесса могут послужить публикации в Твиттере Дональда Трампа. Они явно приобретают большее политическое значение, чем официальные заявления, приказы, указы, меморандумы, коммюнике или публикации пресс-службы президента.

Важно подчеркнуть, что несколько лет назад «виртуальных» политиков воспринимали в обществе иронично. Российский президент Дмитрий Медведев (2004-2008) стал предметом насмешек из-за своей активности в социальных сетях. В ходе массовых протестов в Российской Федерации в конце 2011 – начале 2012 годов многих лидеров оппозиции политологи глумливо называли «твиттерными» или «фейсбучными» оппозиционерами. Подразумевалось, что они оторваны от реальной политической борьбы и от адекватного восприятия политических проблем. Однако уже в 2020 году к активности оппозиционных политиков в Интернете выработалось предельно серьезное отношение. 4 июня 2020 года лидер российского движения «За новый социализм» Николай Платошкин по решению Басманного суда Москвы был помещен под домашний арест на период следствия по обвинению в организации

массовых беспорядков и распространению ложных сведений о пандемии коронавируса. Популярность этому политику принесли публикации на его канале в сервисе YouTube с почти полу-миллионом подписчиков, в то время как его политическая активность за пределами Интернета оказалась гораздо скромнее. [11]

Ограничительные меры, введенные для предотвращения распространения коронавируса, оказали заметное влияние на виртуализацию политики. Можно выделить следующие факторы виртуализации:

1. У граждан появилось гораздо больше времени для посещения ресурсов сети Интернет и сетевых коммуникаций, что способствует их приобщению к принятой в сети культуре политических коммуникаций.

2. Пандемия воспринимается большинством людей как угроза и у некоторых порождает страхи и панические настроения. Адресаты любой информации становятся менее критичными, более внушаемыми, или, как говорят психологи, гипнозависимыми. Тем самым, создается благоприятный психологический фон для распространения недостоверных сведений и откровенных фейков.

3. Любая инфекция имеет своих субъектов распространения в виде инфицированных носителей. Таким образом, в массовом сознании она носит субъективный характер, в отличие от бедствий объективного характера – землетрясений, наводнений, ураганов и прочих природных катаклизмов. Хотя даже таким стихийным бедствиям приписывается субъективный характер в виде слухов о «климатическом оружии», используемым некими анонимными субъектами. Тем более пандемия коронавируса, беспрецедентная по своему масштабу и мерам борьбы с ней, порождает множество «теорий заговора» и самых невероятных версий относительно ее целена-

правленного распространения в интересах неких субъектов. Все политические акторы отчетливо осознают, что подавляющее большинство их аудитории быстрее и охотнее поверит в то, что коронавирус был искусственно создан в неких тайных вирусологических лабораториях и целенаправленно распространен, чем в случайное инфицирование и малопонятные мутации вируса. Конспирология не поддается никаким разумным доводам, аргументам и логическим конструкциям, так как любой критик немедленно начинает восприниматься адептами конспирологических теорий, как состоящий в сговоре с субъектами какого-то всемирного заговора, или, в лучшем случае, как марионетка заговорщиков, не осознающая, что им прямо или косвенно управляют. Странники «теорий заговоров» подсознательно возвышаются над своими собеседниками как носители некоего тайного знания, опирающегося на конкретную информацию, в то время как их оппоненты оперируют слишком общими и абстрактными понятиями.

4. Пандемия активизирует сторонников самых разнообразных религиозных и мистических воззрений, которые начинают проявлять социальную и политическую активность. Исторически эпидемии и пандемии сопровождалась всплесками религиозности и обрядной активности и были неразрывно связаны с практиками контагиозной магии, вне зависимости от мировоззренческого, культурного и религиозного контекста магических обрядов. Инфекция распространяется посредством контактов и контагиозная магия, или «магия контакта», также воздействует через прямые соприкосновения и непосредственные воздействия. Здесь следует оговориться, что многие обряды имели рациональный смысл для борьбы с инфекциями (обряды омовения, изоляции больных и другие, по сути, рациональные действия, но совершаемые в контексте магических обря-

дов). Указанная связь способствует распространению довольно абсурдных идей и невероятных слухов, основанных на контагиозной магии («начертания числа зверя на руке, без которого люди не смогут ничего покупать» в соответствии с апокалиптическими пророчествами, «чипизация под видом вакцинирования от коронавируса», «зомбирование посредством вышек 5G» и другие). [13] В данных слухах отчетливо просматривается не только «магия контакта», но и «магия контроля», что становится привлекательным для политиков. Политика – одна из самых иррациональных сфер человеческой жизнедеятельности, представляющая благодатную почву для политического мифотворчества и адаптации традиционных мифологических сюжетов для решения политических задач. Мифологизация и мистификация пандемии, по сути, представляет собой радикальную политизацию тех групп населения, которые в наибольшей степени склонны к религиозным и мистическим взглядам.

5. Бедствия такого масштаба и охвата, как пандемия коронавируса, усиливают ожидания «конца света». Даже у людей, далеких от религии, невольно усиливаются апокалиптические настроения, которые находят свое выражение в неких иррациональных и фантастических картинах будущего. Сентенция «мир никогда не станет прежним», по сути, становится преобладающим образом мысли в период бедствий и катастроф. Вне зависимости от конкретных образов будущего, усиливается эсхатологизм как фиксация общественного сознания на будущем, которое неизбежно наделяется некими целями и смыслами. Человек, погруженный в обыденность, рутинные заботы и дела, меньше задумывается о будущем, чем человек в условиях кризиса. В политической эсхатологии пропагандируются либо апокалиптические, либо хилиастические взгляды на будущее в зависимости от сути

политической идеологии, важным компонентом которой является эсхатология. Апокалиптические воззрения преподносятся политиками как пессимистические прогнозы. Хилязм присущ оптимистическим политическим идеологиям, рисуя радужные картины «тысячелетнего царства», «процветающего содружества европейских наций», «прекрасного града на холме», «прекрасной России будущего», «расцветающей тысячами цветов Поднебесной» и т.д. Следует понимать, что пропаганда апокалиптических или хилястических взглядов или их сочетания часто используется в манипулятивных целях, так как легко отрывает людей от адекватного понимания настоящей реальности посредством разрыва причинно-следственных связей и иных логических связей. Ведь неважно, что происходило перед «концом света» или Вторым Пришествием Христа, так как само великое событие и завораживающая картина будущего «обнуляет» предыдущие рутинные события. Конечно, авторы политических прогнозов пытаются обосновать свое видение будущего, но чем драматичнее картина будущего, тем менее понятны и логически обоснованы сами прогнозы, так как они сродни «мифологическому времени» с его внезапным и мистическим переходом от своего, реального времени в «новые времена». Политическое время отличается от времени как физической категории как раз своей мифологичностью, так как политика всегда мифологизирует историю и отдельные ее периоды («лихие девяностые», «тучные нулевые», «советские времена» с негативной или позитивной коннотацией, *naughty nineties* – «игривые девяностые» XIX века в Великобритании и Франции). Иррационализм и мифологичность прогнозов усиливает виртуализацию не только политического пространства, но и политического времени. [10, с. 61]

6. Различные режимы карантина, чрезвычайного положения, самоизоляции и социальной дистанции нарушили привычный образ жизни людей, в том числе привычные социальные связи и отношения, включая социально-трудовые отношения. «Политическое животное», пользуясь определением Аристотеля *zoon politikon*, оказалось запертым в стойле. Выражаясь более корректно, эти режимы приводят к частичной социальной маргинализации значительной части населения, так как разрыв социальных связей и отношений приводит к некоторым изменениям социальных статусов и дисфункции социальных институтов. Например, пострадал социальный институт семьи – увеличилась конфликтогенность семейных отношений, участились случаи домашнего насилия, выросла численность разводов. Поверхностные и шуточные комментарии, объясняющие распад семей тем фактом, что супруги стали проводить больше дискреционного времени вместе, голословны. Скорее, социальные потрясения настолько поразили всех людей, что семья, как «главный шокопоглотитель нашего времени», перестала справляться со своими психологическими функциями, не говоря уже о нарушениях экономических функций семьи. Развод как раз и является утратой супругами своего социально-семейного статуса и одним из факторов маргинализации, как и утрата занятости приводит к маргинализации ввиду исключения людей из системы социально-трудовых отношений. Такие маргиналы, или, используя древнегреческую терминологию, «идиоты», легко выстраивают виртуальные социальные связи как субституты реальных связей и отношений.

Все вышеуказанные факторы виртуализации политического пространства проявлялись и до пандемии коронавируса и обострялись во время экономических и политических кризисов. Поэтому пандемию нельзя считать причиной современ-

ной виртуализации политического пространства. Более сложный и важный вопрос заключается в том, насколько необратимыми и глубокими станут перемены. Вернется ли политическая жизнь к прежним пространственным и временным параметрам, или будет вынуждена адаптироваться к новым системным условиям и иному измерению.

Для обоснованного ответа на данный вопрос следует присмотреться к опыту тех политических систем и режимов, в которых виртуальные политические коммуникации и иные виртуальные элементы политических отношений сыграли заметную роль в политических переменах. Как это не покажется странным, примером может послужить политическая система Республики Молдова. Первая попытка «твиттерной революции», или «твиттер-революции» на постсоветском пространстве произошла именно в Молдове весной 2009 года. Из сравнений намеренно исключаются «твиттерные революции» в ходе «арабской весны», так как они имели довольно специфические причины и последствия на совершенно ином социальном и культурном фоне.

Молдова может показаться странным примером, потому что она не представляет самой передовой политической системы Европы и не выделяется широким распространением самых передовых информационных и телекоммуникационных технологий. Республика отличается слабыми традиционными политическими институтами в сочетании с довольно высокими показателями проникновения сети Интернет (относительное количество пользователей) и распространением мобильной связи, включая мобильный Интернет. Слабость институтов, включая институты представительной демократии, подвергаются критике со стороны многих современных политических сил Республики Молдова. [14] «Цветные революции» в Грузии и Украине опирались на инсти-

туционализированную оппозицию, представленную в парламенте, оппозиционные СМИ, влиятельных и опытных оппозиционных политиков, ущербный, но все же функционирующий институт альтернативных выборов, традиции уличных акций и другие политические институты. Социальные сети, Интернет-коммуникации и мобильные коммуникации сыграли определенную роль в этих «цветных революциях», но их нельзя назвать «твиттерными революциями». В Молдове в 2009 году все политические институты оказались слабее, а охват мобильной связью и Интернет-связью выше, на фоне острого недовольства граждан социально-экономическим положением. Прямое политическое действие организаторов и участников беспорядков в столице республики весной 2009 года выглядело плохо организованным и бессистемным. Противники «цветных революций» сфокусировались на технологиях политической мобилизации в молдавских событиях весны 2009 года. Это не вызывает удивления, так как с точки зрения охранителей аналогичных политических режимов наибольшую тревогу вызывали децентрализованные, стремительные и сетевые способы мобилизации, напоминающие приемы политической мобилизации флэш-моба. Данные коммуникативные технологии оценивали, как очень изощренные, тщательно продуманные и высокотехнологичные, чем в немалой степени польстили авторам брошюрок о методах ненасильственного свержения неугодного политического режима, вроде работы Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения». [8] Многих профессиональных политологов, вероятно, немало позабавили попытки контрреволюционной пропаганды представить Джина Шарпа в роли inferнального злодея – гениального «делателя революций».

В данной статье важна не оценка событий в Молдове как таковых, поскольку такие оцен-

ки неизбежно упрощают и огрубляют довольно сложную и противоречивую ситуацию в республике накануне и после событий весны 2009 года, а удивительный факт спонтанности и стремительности развития событий. Следует обратить внимание на одно обстоятельство, важное для современной политики. В условиях «институциональной пустыни» виртуальные средства коммуникации, мобилизации, пропаганды, агитации и формирования политических установок приобретают решающее значение и постепенно становятся главным полем политической борьбы.

В современных условиях пандемии коронавируса деградация политических партий, уличной политической конвенциональной и неконвенциональной активности, альтернативных выборов с традиционными предвыборными компаниями и иных политических институтов как раз и создает «институциональную пустыню», в которой резко возрастает роль виртуальной политической борьбы. При этом, политическая борьба становится удобнее и эргономичнее для граждан, по аналогии с «государством одной кнопки», так как она переносится в виртуальное пространство. [3, с. 59] Нажатием кнопки обеспечивается доступ к аудиовизуальной информации, ставятся лайки, осуществляются просмотры и подписки, пишутся короткие комментарии, так как ни политические коммуникации, ни Интернет-коммуникации не терпят длинных текстов, учитывая «клиповое» мышление «цифровых аборигенов».

Качественным сдвигом в условиях пандемии коронавируса, скорее всего, станет изменение роли «удаленных» коммуникаций в политическом процессе и политических отношениях. Именно виртуальное пространство станет первичным и приоритетным полем политической борьбы, и оно будет задавать тон всем основным тенденциям во всей политике: формировать пар-

тии (как сформировалась Партия пиратов в Германии посредством Интернет-коммуникаций), мобилизовать на политические протесты, формировать электоральные предпочтения и установки, распространять политические идеологии и многое другое. Если ранее виртуальный контент рассматривался всего лишь как опосредованное отражение реальной общественно-политической жизни, то в современных условиях, наоборот, политическое пространство, являющееся по своей природе мифологичным и медиатизированным, все больше становится отражением виртуального пространства. Это проявляется даже в широкой экспансии Интернет-сленга в политическую лексику.

Выводы

В заключение весьма важно подчеркнуть, что проблема заключается в том, что постепенно, в результате виртуализации политического пространства, политические институты и иные субъекты политики вынуждены будут действовать по тем «правилам игры», которые определяются этим новым пространством с присущими ему особенностями – анонимностью, бессубъектностью, мистификацией, спецификацией, радикализмом, иррационализмом, пренебрежением к традиционным этическим нормам, постепенной деградацией картезианской традиции, которой так гордилась европейская мысль. Концепты прав человека и демократии давно уже стали виртуальными понятиями, то есть настолько опосредованными и мистифицированными, что большинство Интернет-пользователей воспринимают их как инструмент пропаганды и демагогии.

Реальные политические институты сохраняются, но существенным образом изменится их значение и положение в политических системах. По аналогии с тем, как современные политические режимы называют «постлиберальными» или

«постдемократическими», политическая система станет «постпартийной». То есть политические партии сохраняются, но их структура, идеология, система рекрутации активистов, членов и симпатизантов радикальным образом изменятся. Период изменений, усугубляемый апокалиптическими настроениями, станет периодом неустойчивости и турбулентности для многих политических систем и режимов, что повышает риски революций и массовых протестов.

Библиография

1. DONATH, J.S. Identity and Deception in the Virtual Community. URL: <https://smg.media.mit.edu/people/Judith/Identity/IdentityDeception.html>, Дата посещения – 05.06.2020.
2. ESSER, F., STRÖMBÄCK, J. (eds.) Mediatization of Politics. Understanding the Transformation of Western Democracies. - New York: Palgrave; Macmillan, 2014.
3. NEWMAN, B.I., VERČIČ, D. Communication of Politics: Cross-cultural Theory Building in the Practice of Public Relations and Political Marketing. - New York, London, Oxford: The Haworth Political Press, 2002.
4. PRENSKY, M. Digital Natives, Digital Immigrants. MCB University Press, Vol.9, No.5, October 2001. URL: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения 31.05.2020).
5. REIMAN, C. Public Interest and Social Rights in Social Media. - Oxford, Cambridge, New Delhi: Chandos Publishing, 2012, p.26.
6. RORABAUGH, W.J. The Real Making of the President: Kennedy, Nixon, and the 1960 Election. - Lawrence: University Press of Kansas, 2009.
7. SEIBERT, J. Die Piratenpartei – Der Beginn einer neuen politischen Ära. - Berlin: Schwarzkopf und Schwarzkopf, 2012.
8. SHARP, G. From Dictatorship to Democracy A Conceptual Framework for Liberation. URL: <https://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/09/FDTD.pdf> (дата обращения 06.06.2020).
9. SUNSTEIN, C.R. The Daily We. Is the Internet really a blessing for democracy? – Boston, Review, Summer 2001.
10. TUDOR, H. Political Myth. - Durham: Macmillan, 1972.
11. «А он кто?»: в соцсетях осуждают арест «безобиднейшего политика» Платошкина. Он больше известен участием в пропагандистских телепрограммах, чем политической деятельностью. Росбалт, 4 июня 2020 г. URL: <https://www.rosbalt.ru/like/2020/06/04/1847302.html> (дата обращения 05.06.2020).
12. ВОЗ объявила пандемию нового коронавируса. // BBC News. Русская служба. 11 марта 2020 г. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51842591> (дата обращения 02.06.2020).
13. Генпрокуратура поручила заблокировать фейки о «чипировании» и коронавирусе. // Ведомости. 13 мая 2020 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/05/13/830175-genprokuratura-poruchila-zablokirovat-feiki-o-chipirovanii-i-koronaviruse> (дата обращения 06.06.2020).
14. «Парламент – это биржа, где ведется торговля всеми известными человеческими пороками». Обращение Гражданского конгресса. eNews, 21.05.2020. URL: <https://enews.md/publicatsia/parlament-eto-birzha-gde-vedetsia-torgovlia-vsemi-izvestnymi-chelovecheskimi-porokami-obrashchenie-grazhdanskogo-kongressa?fbclid=IwAR0XpM2IQ3TBB-X2dTwL-c3VJpc2dKMRHKMoloVI7vOPbADVZIocM4PbCWdU> (дата обращения 06.06.2020).